

АЛЕКСАНДР МИРОНОВ

СКАЗ ДОМОВОГО

ПРО ДОМИКА В ДЕРЕВНЕ,
ДА ПРО ЕГО ДОМОЧАДЦЕВ,
ОТЦА И ТРЕХ БРАТЦЕВ

Иллюстрация
Выгалева Александра

18+

Александр Леонидович Миронов

Сказ Домового

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69427660

SelfPub; 2025

Аннотация

Поэма на сельскую тему. О деревне на стыке двух эпох. Хотя проблема села зародилась ещё в далёкие времена социализма с ростом промышленных городов, в эпоху индустриализации страны, которая высасывала из деревень людские резервы, а в период Перестройки и реставрации социализма, деревня и сельское хозяйство пришло в полное разорение и деградации сельского населения. А уж при реставрации капитализма и вовсе погибают.

Сказ – это один из примеров в этом сатирическом произведении.

Содержание

1	5
2	16
3	27
4	35
5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Миронов

Сказ Домового

Сказ Домового

**ПРО ДОМИК В ДЕРЕВНЕ,
ДА ПРО ЕГО ДОМОЧАДЦЕВ,
ОТЦА И ТРЁХ БРАТЦЕВ**

Поэма – пародия

(Разудалый сказ о прошлом.

Охватывает 1991-2011 гг.) +18

"Так, товарищ, этот сказ

Буду я вести про нас.

То есть, байка здесь о том,

Как живёт наш сельский дом,

Что остался средь лесов

От полтысячи дворов.

Где я, старый Домовой,

Повидал беды людской:

Много что потешного,

Грустного и грешного.

Что ни век, ни поколение,

В доме, глядь, столпотворенье...

Ну, да ладно, что томить,

Не пора ли сказ творить.

1

Жизнь в деревне – как и прежде,
Но чем дальше – тем потешней.

А на стыке двух эпох
Наш колхоз совсем издох.

На пригорке, на деревне,
Дом стоит по виду древний –

Как живёт хозяин в нём,
Так и выглядит тот дом.

С незапамятных времён
Мы в нём пятеро живём:

Я, три брата и отец –
Он был пахарь, он был жнец.

Был ударником в колхозе,
На все руки, то есть – спец!

Но, к несчастью для отца,
Жизнь прожившего в Дрянцах, –

Без работы обленился,
Начал пить, и быстро спился.

А сыны, что с ним живут,
Вообще не знают труд.

Но, однако же, бывает,
На собраниях заседают,
Светский там ведут сыр-бор,

То есть важный разговор.

...Как-то летом посре́дь дня
Собралась на сход родня,
Как бывало в косовицу...
На сей раз – чтоб похмелиться.
На деревне ж кайф сплошной,
Что ни день – то выходной!
Собрались робята вместе,
Как всегда, на прежнем месте,
За обеденным столом.
Выпив, речь вели о том:

– Есть ли люди где по весям,
Что живут лет восемь-десять? –
Так выпрашивает Ваня
На печи, придя из бани.
И, кумекая в уме,
Чертит цифры на стене:
"Это, если перемножить...
Будет восемьдесят может".
Он застенчивым был малым,
Задавал вопрос из зала.
По своей дурной натуре
Не тянулся он к трибуне.

– Нам прожить полста бы лет,
А чтоб восемьдесят – нет! –
Усомнился брат Тарас.
– Нет, те байки не про нас.

– Ты что, умным слишком стал?
Аль с печи башкой упал?..

Я и слыхом не слыхал,
Кто-то дольше чтоб жывал.
Там, похоже, на печи
Растопили кирпичи
Разум твой, что есть ещё,
Коль завёл ты про житьё. –
Рассмеялся брат Самсон,
И Тарас с ним в унисон.
Оба весело смеются,
Облаками дымы вьются
Из ноздрей, из ртов, – глаза
Даже ест от них слеза;
Зубы ржавые в щербинах,
Щёки впалые в щетинах,
Просмеяли дурака,
Прячась в клубах табака!

Заседателям всё можно:
Просмеять и пить безбожно.

Пояснения тут, кстати,
За столом кто председатель?
Только тот, кто на розливе –
Первый парень в коллективе.
На собраниях так сложилось,
В ком есть ум, а лучше сила,
Тот и станет Головой, –
Сунься кто-нибудь другой!

И Тарас из снисхожденья
Дураку шлёт приглашение:
– Ты давай-ка, брат к столу.
Чё сверчком сидеть в углу?
Для тебя, уж так и быть,
Косячок дадим скрутить.
Дёрнешь крепкий табачок,
В раз прочистится умок.

– Мне бы семечек, конфет,
А курить – резону нет.
Дураку ещё табак,
Что я – конченный дурак?

– Ну, какой ты, брат, капризный.
Подь сюды болтать о жизни.

А дурак с печи нейдёт,
Речь дурацкую ведёт.
– Интересно ж, коль подумать:
Как живут в краях тех люди?
Что у них там за собрания?
Как проводят заседания?
На повестку что выносят?
Кто, кого на них поносят?
Может, в планах обсужденья
Есть и трезвые мышленья?
На гулянках что поют,
Курят так же, морды бьют,
Надирают чупруны,
Не жалея седины?
Ты вчерась, Тарас, спьяна,
Вон, отца зашиб, меня.
Ты, как только самогона
Перекушаешь, с Самсоном
Бьётесь, кружитесь без смысла,
Пыль по дому коромыслом,
Сбиты лица, кулаки,
Как последни дураки.
Вы же умные робята,
С сединой уж, бородаты.
Как посмотришь – кислы лица,
А всего вам – только тридцать.

А что будет в сорок с гаком?..

Тут Тарас, смеясь над братом,
Хлопнул вдруг себя по ляжкам.

– Ну, чудило ты, Ивашка! –

И такие льёт слова –

Словно вяжет кружева.

Председателю всё можно:

Матом крыть и пить безбожно.

– Вот дурила из дурил,

А глянь, как он заговорил!

На него дурак глазеет,

То бледнеет, то краснеет.

Есть чему тут подивиться,

Есть чему тут поучиться.

Столь художественной Музе

Не обучат даже в ВУЗе.

Приезжайте к нам в Дрянцы,

Вот где слову кузнецы,

Этажи такие сложат,

Что из лиственя венцы.

Даже рот Самсон разинул –

Во, Тарас! Вот это двинул!

Уж на что он крыть мастак,

Да едва ли сможет так! —
Подготовить так доклад
Может только депутат:
Вдохновенно, искромётно,
Как из ленты пулемётной,
Словом жжёт, и жесты метко
Подтверждают аргументы.

— Ну ты, братец, и поэт!
Что ни слово — то куплет.
Ты в журнал, али в газетку
Предложил бы хоть фрагмент.

— Я в писатели негож.
Этим разве проживёшь?
Вымирает ихний строй,
Также, как и мы с тобой.
Мой талант не признаётся,
Пусть задаром достаётся.
И пущай в народной массе
Буду я — как устный классик!

Тут слышали едва
На полатях скрип-слова:
— Вот кому послал свой дар
Сатана, не прогадал.

Как же можно так, сын мой,
Так ругаться в выходной?
Очень грамотно кладёшь,
Да смотри – переберёшь?
За такой охальный рык
Бог оттяпает язык.

Чтоб не дразнить сыновей,
Дед свинтил от них скорей.
Он уж знал: его робята
Любят выступить в дебатах.
Если мухой не слинять,
То бока могут намять.
В прениях глаза ж шальные,
На кулачки заводные.

– Лёг за печку старичок,
Так помалкивай, сверчок. –
Рассмеялися братья,
За сигарками пыхтя.

И дурак, на них взирая:
"Вот ведь жизнь у нас какая...
Да неужто так везде
Покоряются судьбе?"
К братьям снова подступает:

– Расскажите, кто чё знает?
На печи на вас смотреть мне
Надоело хуже смерти.
Мать курила и пила,
Сорок лет не прожила.
Батька, вон, что хрен сушённый,
Табаком весь прокопчённый,
Изошёл на кашель весь,
Пьёт и курит всяку смесь.
Скоро, видно, через мост
Тоже двинет на погост.
Да и вы, вон, молодцы,
Что прокисши огурцы.
Да неужто так повсюду
Трудно жисть даётся люду?
Мне понять – не по уму.
Растолкуйте, что к чему?

Братья смотрят на Ивана,
Не поймут его изъяна.
Сушат мозги табаком –
Что случилось с дураком?
То ли умным стал он слишком?
То ль капризная мыслишка
Завелась на этот раз? –

Удивляется Тарас.
Смотрит он на дурака
Из-под радуг синяка.
– Что сказать тебе, браток?..
Не ходил я на Восток,
И на Запад, знаешь, тоже.
Как живут там – мягче, строже?
Сколько лет и сколько зим
Бог отмеривает им? –
То не ведомо, признаюсь.
И признаюсь, что не каюсь.

Средний брат, скрививши рот,
Тоже Ваню не поймёт.
Сквозь щербатый рот смеётся,
Что ответить – не найдётся.
На повестку дня, походу,
Сложный стал вопрос народу.

– Как-то, знаешь, не досуг
Было сбегать мне на Юг.
И на Север, знаешь, тоже –
Вдруг там пятки поморожу?
Тут к тому ж ещё забота:
То похмелье, то зевота
На полуденочный сон, –

Позевает брат Самсон.
– День какой, смотрю, хандра
Дурака гнетёт с утра.
То ли выспался он худо,
То ли впрямь с Ванюшкой чудо
Приключилось? Видно трёпка
Поправляет дурня ловко.
Лезь почаще под кулак,
Даром вылечим, за так!

А ну братья хохотать,
Да ногами топотать.
Дым со ртов валит, с ноздрей.
У Тараса – аж с ушей.
Кашляют до посиненья,
Смех их душит, иль куренье.
И никак невмочь уняться,
Над Иваном насмеяться.

Вот сменились времена.
У кормильца-хлебороба,
Надсадилася хвороба –
Рано «крякнула» жена.
Уж пардон за предложенье!
Это птичье выраженье
Стал использовать народ,
Как обычной оборот.
Потому тут – хошь аль нет, –
А используй сей предмет.
Сленг ведь тоже никотин,
В речь приходит не один –
С кружкой пива, с табаком,
Под «Столичную» с братком.
А в деревне – под сивушку,
Под ядрёную частушку...
Вот и я таких словóв
Поднабрался от братков.

...Вот Иван с печи глядит,
И с обидой говорит:
– Хоть и умные вы братья,
Да отшибли вам понятия

Самогон и самосад,
И смеётесь невпопад.

Тут отец, седой старик,
Вновь с полатей говорит, —
Не готовясь к выступленьям,
Слово взял для пояснения.
Говорит отец, сипя:
— Слышал я про те края.
Батька как-то раз гутарил,
Коль не врал, то правду баял.
Мол, за дальними горами
И за синими морями
Есть совсем другой народ,
По-другому он живёт.
И, мол, там на человека
Всем положено два века, —
То есть наших жизней две,
Хоть в деревне, хоть в Москве.
Даже есть такие старцы, —
Нам за ними не угнаться, —
Больше сотни лет живут,
Славу Богу воздают. —
Тут закашлялся старик
И совсем за печкой сник.

– Вот уж невидаль, дивуха... –
Зачесал Тарас за ухом.

– Да чего с отца возьмёшь?
Старый стал: где явь, где ложь?
Он теперя, коль соврёт,
Так не дорого возьмёт. –
Усмехнулся брат Самсон.
– Блин, отключён телефон,
Нам сюда б трубу-подзор –
Хоть какой-то был обзор,
А не то с амбарной крыши
Видно только косогор.

– Ты глазёнки-то протри,
В телевизор посмотри.
Видеть в нём программы можешь
Не одну, а целых три!
НТВ, ОРТ, ТеВи –
Клацай тумблером[1][1][1]¹, смотри.

– Погоди ешшо чуток,
Под вечер приму четок,
Там прицеп, другой к нему,
Вот тогда и глюкону!

¹ Переключатель каналов на телевизорах старых марок.

А иначе я каналы
И программы не пойму.
Лет уж семь на нём танцуют
Мухи, мошки, комары,
И, когда за ним глюкую –
Вижу разные миры...

– Глянь, какой он просвещённый.
То-то кажется порой,
Что ты член какой учёный
С Академии какой...

– Ладно вам. Вопрос сурьёзный,
А они про глюки-звёзды... –
Усмехнулся брат Иван,
Упреждая их скандал.
И за батьку заступился:

– Он конечно изменился.
И что бредит он порой –
Это верно, слаб мозгой.
Да и то сказать, попей-ка
Столько лет её, злодейку.
Покури столь лет подряд
Мох сушёный, самосад, –
Будешь, лет так к сорока,

Походить на старика.

– Ну, а как нам жить иначе?
Если пьём – и стар и младше.
А табак, ту ж никотинку,
Мы всосали пуповинкой:
Мать курила – мы курили,
Мать пила – и мы с ней пили.
Зачесался мамкин нос –
Мы уж чуяли прогноз:
Будет штиль али цунами, –
Кайф для нас, лафа для мамы.
В нас заложено чутьё
До рожденья на питьё! –
Гордо старший брат вещает.

И Самсон тут добавляет:
– Так что, стоит если где-то
Зачадить – мы нос по ветру.
Нюх похлеще, чем у волка,
Где курится самогонка.

– Потому-то мы все трое,
Братья родные по крóви,
Если с боку посмотреть, –
Отличаемся на треть. –

Рассуждает брат Тарас,
Загибая пальцы: – Раз!..
Я, как старший, значит, главный:
Ум и совесть, суд и право.
Средний брат – и так и сяк...
Ты ж последний, Вань, – дурак.
Не в обиду брат прими,
Повелось так средь родни. –
На Самсона он два раза
Подмигнул подбитым глазом:
– Глянь, Самсонка водит жалом[2][1][1]¹,
Знать, почуял что-то малый.
А поскольку я умней,
У меня и нюх острее, –
Я давно почуял дух.
На тебе ж утрачен нюх.
Чуешь... запах самогона?
У Капусты, у Мирона.
В одиночку пьёт, сураз[3][1][1]¹!
Будет праздник счаз у нас!

– Мы его врасплох накроем,
Неожиданно, все трое. –
Тут Самсон вертеться стал,

¹ водить жалом – ирон. улавливать запах носом.

¹ сиб. иронич. – небрачно рождённый.

Будто кто защекотал.

Но Иван берёт отвод:

– Нет, робята, я не в счёт.

Муха что ли я – на мёд?

Это верно, знает муха,

Может – глазом, может – ухом,

Может – чует хоботком,

Где намазано медком? –

Сквозь какой-то свой радар

Точно выберет нектар.

Так и в пьянице ведётся –

Час-другой... и он напьётся.

Только-только что был трезв, –

Глядь, уж выискал резерв?

Ведь на хлеб – рубля не сыщет,

А на водку – хоть полтыщи!

Тут Тарас поднял стакан.

– Эй, пойдی сюда, Иван.

И последние мозги

Не грузи из-за фигни.

Все мы пили и курили,

Матом Бога, чёрта крыли,

И пока ещё живём.

– Будем живы – не помрём! –
Поднимая стаканы,
Прокричали братаны.

– Вы б хоть Бога не хулил,
Коль под чёрта закосили –
Атеисты-пофигисты,
За бутылкой активисты.
Но теперя, как хотите,
А меня освободите.
Повидал я кутежи,
Пьянки, драки, куражи.
Мне от этой жизни тошно.
Не пойду я пить к Мирошке!

– Что тут скажешь? Коль дурак –
То не выправишь никак!

– Ну, тогда катись отсель!
Хоть за тридевять земель.

– И пойду, и не кричи!
Прямо сидя на печи.

– Нет уж, печь не отдадим!

Будет надобна самим.
Ты уйдёшь, отец помрёт,
Наш подкатится черёд.
Где прикажешь нам с Самсоном
Кости греть, сушить кальсоны?

– Так что, Ваня, не грехи.
Ноги в руки – и чеши.

Вот такой вот приговор
Записали в протокол.
И решили всем собранием
Сплавить Ваню на изгнание,
Хорошо, что без кровей
Обошлось, без пенделей.

– Ладно, братья, коли так, –
Соглашается дурак:
– Оставляю печь задаром,
Раз такие вы хазары.

Вот дурак встаёт с печи,
И целует кирпичи.
Поклонился на полати,
Попрощался с пьяным батей.
Попрощался с братьевьями:

– Ну, Господь, робята, с вами.

– И тебе попутный ветер,
Поглядай, что есть на свете.
Может, там ума займут,
Если часом не прибьют.

Братья тут перемигнулись,
Ване пьяно улыбнулись,
И давай наперебой
Пожеланья лить слезой.

– Будь, Ванюша, осторожным.
Всё в чужих краях возможно.
Посох крепкий прихвати,
Что стоит сейчас в клети,
Что ворота припирает, –
В драках крепко выручает.
Если вдруг там задерутся,
Он поможет отмахнуться.
Не волшебная дубинка,
Но лихая молотилка.
Только с рук не выпускай
И умело управляй.

Тут и средний брат в поход

Свой попутник достаёт.
– Не забудь приёмчик мой,
Что не раз проверен мной.
Он в борьбе, и в драке тоже,
Завсегда тебе поможет:
Как почуял – стало печь...
Главное – вовремя убежать!
Тут уж ноги не жалеи,
Пятки смазывай скорей.

И отец к нему с полатей
Тянет руки для объятий.
– Ты, Ванюша, не серчай,
Не чужие ж, братья, чай.
Не пошлют тебя совсем
Путешествовать ни с чем.
Может всякое случится,
Всё в дороге пригодится.
Ну, а я тебе в дорогу
Тоже дам чего немного:
Лапти, торбу, крест вослед –
Бог с тобой, храни от бед!

С этим ценным багажом
Наш дурак в народ пошёл.

3

В нашем прошлом государстве,
На огромнейшем пространстве,
Проживал народ советский:
Как в истории библейской –
Возводили Вавилон.
Так и он – союзный дом.
Цель всё та же – благородна, –
Строить счастье для народа.
Чтоб он мог трудиться, жить;
Что-то плавить, что-то шить;
Пашни хлебом засежать;
В час лихой – шёл воевать.
Индустрию смог, науку
До сверх уровня поднять:
Первым облететь Планету;
Покорить весь мир Балетом,
Пятницким и Моисеем[4][1][1]¹.
А уж что творил в хоккее!..
То легендой обросло,
В Лету кануло, ушло.
И со временем пороки,

¹ Хор Пятницкого и ансамбль Моисеева.

Как общественные стоки,
Потихоньку, по чуть-чуть,
Как по сточному ручью,
Стали в царстве оседать,
Государство размывать...

...По зиме как-то средь дня
Собралась на сход родня.
Собрались робята вместе,
Как всегда, на прежнем месте
За обеденным столом,
Речь Тарас повёл о том,
Как положено в роду –
Слово первое ему:
– Славный был у нас папаня,
Жаль, конечно, крякнул рано.
Было б нынче пейсят два,
Да не вытянул едва.
То б, глядишь, чего поведал
Про поля, про семена,
Как за сельские победы
Получали ордена.
Вон, в шкатулке побрякушки,
Чем гордился без ума.

– Было-было и прошло,

Всё уж тленом поросло.
Всю за морем благодать
Мы решили перенять:
Тушки Буша, секс заморский
И, конечно, демократь, —
То ись, глянец, их порядок.
А на что народ наш падок?..

— Так тут не об чем гадать:
Нас влечёт фейверк[5][1][1]¹, байда[6][2][2]²,
Што поярче, покрасивше,
Где шик-блеск и ляпота.

— Холливуд пленил, реклама,
Да футболки под Нирвана.
А уж джинсы и наклейки —
Облепили ноги, станы.
То ж — не наши шаровары,
Что сметают пыль с бульваров...

— Раскололи наш ковчег —
Борт Советский, — как орех!
И попали рассеяне
На заморские сиянья. —

¹ Правильно — фейерверк.

² Байда — простонар. — ерунда, веселье.

Усмехнулся брат Тарас.
– Тут и пьяный бекарас.
Тот, что был готов на рельсы
Положить себя за нас.

– Может быть бы и полóжил,
Так от пьянки обезножил.
От волны к волне качался,
Сел... на ваучер Чубайса.
Сам бы Цын пушай сидел,
Так Чубайс Рашу надел
По самые початки –
От Москва до самой...
До самой до Камчатки;
От полей безбрежных
До широт за снежных.

– Оказался ушлый, вша,
Что приполз из США. –
Тут Тарас дебаты для,
Перешёл к повестке дня:
– Ладно, что про сказки слушать?
Прожужжал отец все уши:
Как на митинги ходил,
Сколь зерна намолотил.
Слёзы лил по партии

При енттой демократии.
Нам с тобою, к сожалению,
Не подкрасться к юбилею.
Год, другой, от силы – пять,
Будем батьку догонять...
Эх, пропал наш брат Иван,
Недотёпа и смутьян.

– Шуток наших не понял,
Вот и сдуру подорвал.

– Пошутили с дураком,
Он и вправду – был таков.
А был малым он хорошим
С воспитанием пригожим.
Подозренье есть сичас,
Ваня был умнее нас. –
И Тарас вздохнул уныло. –
Что его так возмутило?

– Не дождался сына батя,
Да и нам не видеть брата.
Ты замшел, седой и серый.
Бабу взял, таку же стерву,
Пьёт ханыга, как насос,
А чадит, как паровоз, –

Крышу дома, глядь, подымет,
Почернела вся от дыма,
Сил хватило еле-еле
Разродиться лишь Емелей.
То ли дело у меня, –
Мал-мала, и все в меня...

– Прикуси язык, хвалясь, –
Рассмеялся брат Тарас.
– А твоя, слаба умом,
Да и, сказывают, дном.
За понюшку табака
Отоварит мужика.
Ну, а коль нальёшь сто грамм,
Тут тебе – и смак и срам.
Говоришь, что все в тебя?..
Приглядишь-ка в них, в себя...
Может, в них узришь Мирошку,
Никодима, Симарошку?
Может быть, кого роднее
Коль присмотришься сильнее?..

Но не успел дальше Тарас
О невестке свой рассказ
Изложить перед браточком,
С кем она рвала цветочки...

Как вдруг вспыхнули в глазах
Звезды, искры... а в зубах, —
Что полено, аль кирпич,
И с трибуны брык Фомич!
Сшиб с трибуны братец брата
За охальные дебаты.

Ах, ты ёж!.. Да пере ёж!..
И затеялся вертёж.
Вдохновенно и азартно
Убеждать стал братец брата:
Чтоб со сплетней-баламутой
Он политику не путал.
Мало ль кто-что насвистит...
Что — в повестку всё вносить?
За регламентом следи
И собранию веди.
И, похоже, то внушеньё
Крен внесло на поведение —
Через полчаса, устав,
Вновь целуются в уста —
Нет приятнее момента
Всё прощающим сердцам.

Вновь садятся в круговую
И играют мировую.

Самогон, что не разбили,
Разливали, дружно пили
С пожеланием сердечном
Долгой жизни, коль не вечной.
Что от жизни благодатной
Не чудит мужик поддатый?
Главное – собрание для,
Не свернуть с повестки дня:
Что за жизнь в селе ведётся?
И как с нею им бороться?
И в борьбе, конечно, сей,
Побеждает, кто сильней.
И, глядишь, к концу собрания,
Жизнь их стала веселей.

Тут и жёнки к ним подсели.
Вскоре песни полетели:
Про «камыш», да про "Байкал",
Как казак трусцой скакал
Где-то там через долину,
Где запал он на дивчину...
А другой – княжну за борт...
Видно пьян был, обормот.
Как в России горько пьют,
И как сладко в ней поют.

Сколько времени прошло,
Сколько в Волге вод ушло,
Сколько в той же Ангаре,
На Амуре, на Днепре,
На Двине, на Тереке –
Разве всё измерите?
Но ещё сложнее измерить:
Нравов пропасть, смуты меру,
От величия до дна –
Неохватна глубина.

...Потеряли братья брата.
Уж давно помин робята
По Ивану справили
И свечу поставили.
Сколь самим прожить пришлось,
Как курилось им, пилось?
Тут я лучше умолчу
И моменты опущу.

...По весне как-то под вечер,
Впрочем, каждый вечер – вече,
Иногда, не прекращаясь,

Сверх лимита здесь общались.
Так, традиции блюда,
Собралась на сход родня.
Братья – сыновья Самсона:
Старший чем-то схож с Мироном,
Младший – с дядькой Никодимом,
Оба в клубах никотина.
Эти братья уж женаты,
На печи от них робята.
У Самсона, кроме этих
Были в молодости дети,
Но, кто в детстве, кто постарше
Не прижились в доме нашем.
Умирал: кто от порока[7][1][1]¹,
Кто от ДЦП[8][1][1]¹ до срока,
А один – от Паркинсона...
Говорят: от самогона –
Алкоголь ещё в зачатье
Разбирает мозг на части.
А ещё, мол, никотин
Здесь немало навредил.
Слушай умников теперь.
Следом – мать ушла в ту дверь.

¹ Изменения структуры сердца.

¹ ДЦП – Детский церебральный паралич.

И Тарасов тут же сын,
От Тараса он один.
Емельяном с детства звали,
Да Емелькою прозвали.
Тоже мать не повидала
Сына, здешнего амбала, —
Приказала долго жить,
В рай, иль в ад, ушла служить.
Ну, а сам он, блин, детина:
Под четыре стал аршина[9][1][1]¹.
Ошибусь коль в сантиметрах —
Но детина под два метра.
Лоб — гранитная доска,
Хоть об лоб бей поросю, —
А в глазах туман, тоска:
От всегдашнего похмелья,
Каждодневного безделья.
Мудрено ли, что зигзаги
Все на лбу, на шее сзади,
В голове ж одна бурда —
Плещут волны о борта,
В ней давно мозги закисли,
Редко в ней блуждают мысли,
Лишь одна чуть шевелится:
По утру, где б похмелиться?

¹ Старинная русская мера длины, равная 0,711 метра

Или заново поддать? –
То ж не жизнь – благодать!
Чёрту кайф такой не снился,
Что в Дрянцах теперь привился.

Вот пришёл на сельский сход
По традиции народ.
Их с утра проблемы мают,
Думы голову ломают...
А тут чуют: дух курится –
И к Самсону подлечиться.

Вдруг какой-то господин
Тихо в дом заходит к ним.
Чем собранье удивил:
Это что за Крокодил?
Это что за Чебурашек
Подкатил к воротам нашим?
То есть, что, мол, за явление?
Без звонка, без приглашенья?
Удивленье, переглядка –
Ну, попал, однако, дядька?

– Чё те надо? Кто такой?
Чё стоишь? Понты не строй.

Коль под шляпой, в тройке[10][1][1]¹ весь,
Так тебе халява здесь?
Муть на стол! А закусь есть, –
Вот тогда и шляпе честь! –
Прямо гостю намекнув,
Говорит Тарас, икнув.
Изогнут пропеллером,
Пальцы строит веером.

– А не то счаз обласкаем,
Чем ворота подпираем, –
Просипел и брат Самсон,
Может это и Мирон,
Что-то в облике том сером,
Есть их схожие манеры.

Третий – тот, что Никодим –
Говорит: – Давай, съедим!
Пустим гостя на шашлык,
Вот уж закусь будет – шик!

За столом, смеясь, сидят
Трое пьяненьких робят.
Бородёнки у робяток,

¹ Тройка – одежда: костюм, жилетка, брюки.

Что кудель[11][1][1]¹ после трепалок[12][2][2]².

И по этой поросли

Угадай их возрасты?

Да ещё с печи кричат

Пять чумазных пацанят:

– Нам на печку не забудь

Тоже бросить что-нибудь!

В доме дым висит с угаром,

Воздух весь запачкан смрадом,

Стены копотью покрыты,

Печь не белена, побита.

На столе... чего там нет! –

Лук, чеснок и чёрный хлеб.

Как изящества венец –

Посредине огурец.

Пара пёстрых поросят

У двери в кути визжат.

На полу лежит бычок,

На полатах – старый чёрт.

Страшно стало мужику.

Да неужто он в аду?

Да неужто вместо дома

¹ Кудель – пучок льна.

² Трепалки – орудие для трепания волокна, льна, шерсти.

Он попал в вертеп Содома?
Черти, скот и дьяволята...
"Не-ет, пошёл-ка я, ребята!"

Тут с полатей глас раздался:
– Да откуда ты, брат, взялся?
Мы ж тебя, япона мать,
Замотались поминать!
Думали, за столь уж лет,
Дух истаял твой и след.
Это ж наш Ванюшка, братцы! –
Чёрт лез к Ване целоваться.
– А Тарас всё говорил:
Бог чутья тебя лишил!
Только выгнал самогон –
Тут как тут – явился он!
На родное-то житьё
Наведёт всегда чутьё!
Что всосали с молоком,
Будет вечным маяком! –
И Самсон, кряхтя с одышкой,
Полз с полатей ко братишке.

Тут набросилась орда.
– Эй! Куда меня, куда?..
Я не пью, я не курю.

Я тут с боку, на краю!..

Но никто мольбе не внял.
Каждый тискал гостя, мял,
И тащили, кто за что,
Дурака к себе за стол.

Так не смог Иван отбиться,
И пришлось ему смириться.
Сбросил торбу он на лавку.
И устроилась тут давка:
Любопытный нос в авоську
Сунуть надо каждой моське.
Но, к большому сожалению,
Всех убило огорченье:
Нет в ней яств и нет спиртного,
Табачка в ней нет крутого.
Лишь какие-то былинки
Упакованы в холстинке.
Да в железной баночке
Какие-то огарочки.

Ну, чего с него возьмёшь?
Коль дурак – не переткёшь,
Не исправят ни дороги,
Ни разлуки, ни тревоги.

Коли пусто в голове,
Будет пусто и в суме.
Шёл к родне, а что принёс? –
Корешки да камней горсть.
Да за такие насмехалки
Морды чистят без мочалки!
Но куда теперь деваться? –
Коль родня, придётся знаться.

Да, то был Иван, дурак,
Что пропал запросто так,
Кто, по глупости своей,
Сослан был за ширь морей, –
Братья сжили дурака
Не за понюшку табака.
И теперь он вдруг явился,
Как с Луны Иван скатился.
Вот уж дивное явление,
Как Христово воскресенье.

Я признал Ванюшу сразу,
Я ж не пью её, заразу,
Потому и глаз востёр,
Хмель мне память не истёр.

Каюсь... Был один момент –

Чуть не сжёг апартамент.
Так буянил от напёрстка,
Что сбежала с дому кошка.
А Кукушка из часов
Затерялась средь лесов.
Чтоб вернулась вновь на службу,
Долго звал потом подружку,
Умолял и обещал –
Как с поносом завязал!
И с тех пор – ни-ни – ни грамму,
Не углубить штобы драму.
Тут я речь об чём веду:
Пьяный дурень – жди беду.
У него – сознание, память,
И поступки – всё в бреду.
Чуть попозже, убедимся,
Деградируют как лица
У людей в больших чинах –
До маразма в их умах.

Растравили мужика,
Словно тряпкою быка –
Всё лимитами накрыли
От вина до табака;
Также с закусью мясной;
Рыбой: камбалой, треской,
Кроме кильки в банках ржавых;
И на книги и журналы...
Ну, а там, где есть лимиты –
Праздник будет паразитам.
Кто-то это не учёл,
Раскачал Союз, как чёлн.
Говорят, заморский янки
В той болтанке уличён.
Он как будто подослал
В Кремль какого посла,
И как будто бы из наших,
Из посольского числа.

...Гость предполагал, конечно, –
Встретят родичи сердечно,
Ведь, поди, уже не ждали,
Слёзы высохли в печали?

А тут, эвон, как встречают,
Миг ещё – и зарыдают.
Он принёс с собой гостинцы –
Долголетия частицы.
Да в восторгах и в объятьях,
Не до сук тут объяснять им.
"Ладно, позже, время будет,
Подниму я тонус в людях". –
Так, подумав, он решил,
Что не следует спешить.

Успокоясь наконец,
Слово первым взял отец:
– Слышь, Ванюша, расскажи:
Где ты был, кому служил?
Может там, в краю далёком,
Ты женился ненароком?
Потому дорогу к дому
Ты прокладывал к другому,
Где живёт жена, лукавка,
С ней и семеро по лавкам? –
Так он брата подкузьмил:
"Где ему, мол, до семи?
Тут по части дел амурных,
Пусть поучится у умных..."

– Да, отец мой, я женат.
Есть и семеро ребят.
Все они как на подбор:
Удаль, ум, орлиный взор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.